1.4 РОЛЬ И МЕСТО НАУКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

НАУЧНО ОБОСНОВАННАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА – ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Буздалов И.Н., акад. РАН, главный науч. сотр., Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А.Никонова

Продовольственная, а в значительной мере общая национальная безопасность в определяющей мере зависит от «качества» проводимой аграрной политики. В широком историческом плане аграрная политика является исходной основой формирования и совершенствования общей экономической политики государства. Ее научная основа базируется на ряде определяющих теоретико-методологических предпосылок, отражающих объективно обусловленные закономерности развития производственных отношений с их существенными особенностями проявления в сельском хозяйстве. Это предопределяет сложность и противоречивость системы научной разработки проблемы и требует высокого профессионализма властей в формировании и осуществлении эффективной социально ориентированной аграрной политики.

Обзор специальной научной литературы и энциклопедических изданий между тем показывает, что понятие политика применительно к социально-экономическим процессам трактуется далеко неоднозначно, часто весьма расплывчато или явно произвольно, причем такие трактовки имеют под собой формальные объяснения. Дело в том, что политические решения в области социально-экономического развития, в частности сельского хозяйства на деле нередко или в основном базируются не на научно-обоснованных принципах, а на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях властей принимающих эти решения. Поэтому не случайно В.И.Даль в своем Толковом словаре определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые. Политик умный, ловкий (не всегда честный) государственный деятель».

Иначе говоря, политика, как научно обоснованное, профессиональное участие властей в делах государства, касающихся развития экономики, может подменяться политиканством, вплоть до произвола этих властей, по меньшей мере, «уклончивого» популистского образа действия, которые иногда и служат явно искаженной основой для трактовки понятия экономической, в том числе аграрной политики. В связи с этим задача экономической науки, других общественных наук заключается в выявлении того, насколько аграрная, как и вся экономическая политика соответствует ее объективно обусловленным научным основам, фундаментальным положениям экономической, в частности, аграрной теории и определить, что нужно изменить в этой политике, чтобы обеспечить необходимое соответствие. Применительно к нынешней российской действительности, особенно в сельском хозяйстве, остающимся в полосе затяжного и глубокого системного кризиса, создающего угрозу продовольственной безопасности страны, эта задача представляется особенно актуальной, первостепенной и неотложной, т.к. речь идет о судьбе крестьянства – корневой системы нации и возрождении села – основного незаменимого источника жизнедеятельности и здоровья человека. В исходном пункте решения этой задачи нужно, во-первых, аргументировано и доказательно определиться в самом понятии аграрной политики, во-вторых, четко сформулировать ее научные основы, определяющие теоретические положения и, в-третьих, обосновать направления, методы и механизмы осуществления аграрной политики, отвечающие этим основам и принципам.

К сожалению, до сих пор помимо смещения акцентов в соотношении политики и экономики в само понятие экономической, в том числе аграрной политики, вкладывается разный смысл, смешивается ее сущность, стратегические целеустановки с направлениями, мерами ее практического осуществления. Так Экономическая энциклопедия «Политическая экономия» экономическую политику определяет как «систему мероприятий», осуществляемых государством в области экономического развития, причем в досоциалистических формациях «в интересах господствующего класса», а при социализме – «в интересах всего общества». Тот же смысл вкладывался в понятие аграрной политики.

Сейчас идеологическая окраска соответствующих определений представляется неуместной, наивной, но в общем методологическом плане имеющиеся формулировки страдают той

же подменой стратегического курса в экономическом развитии сельского хозяйства практическими мерами по его реализации, расплывчатостью, неоднозначностью этих формулировок. В одном случае аграрная политика представляется как «последовательная реализация системы мер для перехода агропромышленного производства из одного состояния в другое», в другом – как «совокупность идей, целей, средств и методов формирования и регулирования отношений между городом и деревней и в самой деревне, а главное решение продовольственного вопроса», в третьем – как «определение соответствующих целей и ресурсное обеспечение их достижения, установление стратегических приоритетов, дополненных механизмом их обоснованного тактического корректирования».

Есть и другие излишне усложненные, замысловатые формулировки понятия аграрной политики, в которых, как и в приведенных выше, отсутствует акцент на главную ее функцию и стратегическую цель – создание сельскому производителю всех необходимых для творческого высокопроизводительного труда, гарантированных государством условий жизнедеятельности. Только в рамках реализации этой цели аграрная экономика, вся агропродовольственная система страны перейдет в новое качественное состояние, только на этой основе будет успешно решаться «продовольственный вопрос», обеспечиваться продовольственная безопасность, другие «стратегические приоритеты» и т.д.

Пока приведенные суждения в отношении понятия, общей концепции аграрной политики свидетельствуют об отставании, слабости, отсутствии определенности разработки ее научных основ. В этих условиях властям открывается широкий «простор» определять стратегию этой политики, соответственно, устанавливать систему мер по ее осуществлению «по усмотрению» и получать адекватные этим мерам результаты в решении как продовольственного, так и всей совокупности вопросов социально-экономического развития сельского хозяйства, да и страны в целом.

Укрепление продовольственной безопасности помимо количественного обеспечения населения продуктами питания отечественного производства включает и другую его сторону – качество пищевых продуктов, которому посвящен специальный Закон РФ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 2.01.2012 г. и значение этого качества для здоровья человека в условиях современных возможностей здравоохранения трудно переоценить. По имеющимся оценкам влияние на здоровье человека лекарственных средств, в составе которых доминируют химические, в том числе поддельные препараты с их вредным побочным эффектом составляет до 15%, а качество питания – 60-70%.

В упомянутом законе подчеркивается важность государственных гарантий обеспечения этого качества, а оно во многом определяется местным, отечественным производством. Однако сейчас городское население потребляет до 60% импортного, часто залежалого, просроченного продовольствия, замороженного мяса, насыщенных нитратами и прочими наполнителями овощей и фруктов. Об «обоснованной уверенности» в качестве и безопасности этих заморских приобретений при нынешнем таможенном контроле за масштабным импортом продовольствия, говорить не приходится.

Власти, особенно ответственные персоны экономического блока правительства, с подачи бывшего министра финансов А.Кудрина, чтобы самим всерьез не заниматься собственным сельским хозяйством окрестили его «черной дырой» (хотя по опыту развитых стран лоббируемый государством агропродовольственный сектор это настоящий локомотив экономики), к сожалению, смирились с унизительным для великой (в царском прошлом) мировой продовольственной державы засилием этого импорта. В 2011–2012 гг. его среднегодовые объемы достигли 40 млрд долл., превысив товарную продукцию собственного сельского хозяйства в закупочных ценах. Беззаботно взирая на такой удручающий «баланс», эти персоны не хотят или не способны задуматься, к каким последствиям приведет перекрытие по тем или иным причинам каналов этого импорта.

В извечном требовании «хлеба и зрелищ» безусловным приоритетом всегда был и будет хлеб, ибо продовольствие – вечная, незаменимая первейшая человеческая потребность, постоянная на каждый день. Ответственные управляющие экономикой страны персоны России сегодня поставили эту потребность на второе место, сместив приоритеты на спортивные и прочие зрелища, «амбициозные» проекты и т.д., надеясь по логике Остапа Бендера на то, что «заграница нам поможет», в частности, с продуктами питания на упомянутые 40 млрд долл. в год. На деле эти доллары – прямая поддержка заморских фермеров, в то время, как отечественные производители, затянув ремни, вынуждены довольствоваться бюджетной подачкой в 1/10 указанной суммы. Совершенно очевидно, что в такой политике все поставлено с ног на голову.

Государственный приоритет развития сельского хозяйства, как критерий научной обоснованности аграрной политики, ориентированной на обеспечение продовольственной безопасности страны за счет отечественного производства, обусловливается непредсказуемой зависимостью отрасли от действия стихийных природных сил. Связанные с этим непредвиденные риски снижают привлекательность аграрного сектора для частных инвесторов и предопределяют объективную необходимость активного участия в обеспечении приоритета сельского развития государства. В целях законодательного закрепления указанного приоритета и общей научной концепции протекционистской аграрной политики в 1997 г. был принят Федеральный Закон «О государственном регулировании агропромышленного комплекса», определившего основным источником инвестиций в сельское хозяйство *федеральный бюджет*. Но поскольку аграрная политика проводилась исходя из надуманных представлений о сельском хозяйстве как черной дыре, заботы о поддержании продовольственной безопасности страны во многом перекладывались на зарубежных фермеров. Указанный закон как «неудобный» для проводников этой политики был положен в шкаф и все суждения о приоритете села остались и во многом до сих пор остаются в основном декларацией.

Правда, на 2005–2007 гг. был принят *приоритетный* национальный проект «Развитие АПК». Но за время реализации этого проекта социально-экономическое положение в сельском хозяйстве к лучшему мало изменилось, а импорт продовольствия в страну удвоился. Главную причину декларативности приоритета сельского развития в этом проекте объяснил его инициатор, Президент РФ В.В.Путин: «недопустимо малое» государственное финансирование. Сами СХО при сложившемся диспаритете цен и общей пресловутой «перекачки» созданного в сельском хозяйстве национального дохода в пользу субъектов его монопольного окружения (включая само государство) заведомо лишались необходимых средств для действительной модернизации, *последовательной интенсификации, как главного пути развития сельского хозяйства и по сути основной практической задачи осуществления аграрной политики.*

И, наконец, определяющим критерием научной обоснованности этой политики, ее основной социально-экономической целью является создание для занятых в сельском хозяйстве всех необходимых условий и стимулов высокопроизводительного труда. Конкретным материальным выражением обеспечения этих условий, следовательно, достижения главной цели аграрной политики являются обеспечивающие высокие стимулы уровень оплаты труда и соответствующая степень развития сельской социальной и инженерной инфраструктуры. Опыт США, Германии, Франции и многих других западных стран (где у властей есть понимание того, что «аграрный вопрос» - это коренной вопрос жизни человека и общества) показывает, что выравнивание соответствующих показателей между сельским и городским населением не только создает благополучие и устойчивость в развитии сельского хозяйства, закрепляет квалифицированные кадры на селе, но повышает роль аграрного сектора в общем социально-экономическом развитии страны. Определенные сдвиги в этом направлении происходили и в российской истории, в частности, в процессе осуществления столыпинской аграрной реформы. К сожалению, после октябрьского большевистского переворота в стране восторжествовала прямо противоположная практика реализации этой важнейшей составляющей аграрной политики. Проводимая в течение многих десятилетий (за исключением послаблений периода НЭПа и хрущевской оттепели, а затем косыгинской имитации хозяйственных реформ, последующей «перестройки»), вплоть до рыночных реформ начала 90-х гг. XX в., эта политика опиралась, прежде всего, на такой фискальный инструмент как «ножницы цен», трансформировавшийся в нынешний запредельный «ценовой диспаритет», т.е. инструмент пресловутой «перекачки» результатов крестьянского труда на другие, по представлениям власть имущих якобы «престижные», в действительности часто разорительные для села и страны в целом приоритеты.

Последовательно научный подход к аграрной и общей экономической политике, обеспечивающей социально-экономическое благополучие на селе и на этой основе общий прогресс в народном хозяйстве успешно демонстрируют многие страны современного мира, в частности Германия. На основе аграрного законодательства, ориентированного на приоритет сельского развития государством неизменно поддерживаются достойные условия для жизнедеятельности крестьянства, обеспечивающие высокоинтенсивное развитие сельского хозяйства, активно способствующее общему прогрессу в стране. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенная и динамично развивающаяся отрасль, располагающая зе-

мельными угодьями в расчете на 1 жителя страны в 3,2 раза меньше, чем Россия, сейчас производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства в больших объемах экспортируется. То же самое мы видим во многих других развитых странах, ставшими развитыми во многом благодаря проведению научно обоснованной аграрной политики.

Противоположные по своей направленности, в лучшем случае декларации и полумеры в этих узловых вопросах аграрной политики не имеют под собой никакого разумного объяснения, кроме разве что ссылок на обреченность, спотыкаясь на каждом шагу, безоглядно следовать по пресловутому «особому» российскому пути. Правда, начиная с реформы 1861 г. в деле раскрепощения крестьянства, изменения условий жизнедеятельности в деревне произошли значительные перемены к лучшему. Однако процесс этот далеко не завершен, особенно в части социальной защиты сельских производителей, которые отвечают адекватными степени этой защиты результатами труда или демонстративным уходом из села.

За годы реформ около 20 тыс. сельских поселений исчезли с лица земли, а в большинстве оставшихся подорван производственный, прежде всего главный – трудовой потенциал. Состояние социальной и инженерной инфраструктуры села, дорожно-транспортной сети, системы связи, культурно-бытовых объектов, школьных и медицинских помещений (число которых также резко сократилось), продолжительность жизни селян с преобладанием группы пожилых, «первенство» деревни по употреблению алкоголя, в том числе суррогатного, уровень сельской безработицы и т.д. – характеризует нынешний общий сельский социально-экономический пейзаж признаками той же «забитости и одичалости».

Даже в застойные годы оплата труда в сельском хозяйстве поднялась до 95% к среднему по экономике уровню. К 2013 г. она спустилась на уровень 53% с прогнозом на 2020 г. повысить его до 55%, т.е. на 2 пункта, в то время как у работников пищевой промышленности, переработчиков, посредников и других субъектов монопольного окружения села оплата в 1,5-2,0 и более раз выше, не говоря уже о других категориях занятых, где ее размеры превышают сельские показатели на порядок.

В целом на развитие сельских территорий по новой Госпрограмме (2013–2020 гг.) на 2013–2014 гг. намечено выделить (на 27% населения страны) столько же средств, сколько было затрачено на дорогу от Москвы до Сколково и в 3 раза меньше, чем на реконструкцию одного стадиона в Санкт-Петербурге. Общее убогое состояние социально-трудовой сферы села является наглядным подтверждением, если не очевидной социально-экономической ущербности аграрной политики, то серьезных изъянов ее стратегической направленности, методов и механизмов осуществления.

Подтверждением этому является также и крайне запутанное, обросшее злоупотреблениями и коррупцией решение извечного «земельного вопроса», прежде всего, связанного с отношениями земельной собственности. Хотя монополия государства на землю отменена, основополагающий принцип этих отношений: «землю тем, ее обрабатывает» трансформировался в странные формы реализации. Миллионы формальных собственников условных земельных долей или за бесценок сдали их в аренду, или вообще лишились реальных земельных участков, так и не выделенных в натуре. Одновременно десятки миллионов гектаров сельскохозяйственных земель выпали из активного оборота, заброшены, переводятся в другие категории, являются предметом спекулятивных сделок. Активная государственная защита земли (которую Д.И.Менделеев считал «равносильной защите государства») в стране фактически отсутствует.

Итогом таких перекосов на «земельном» направлении агарной политики явилась общая деградация главного средства производства в сельском хозяйстве и естественного источника продовольственной безопасности, снижение качества оставшихся в обработке земельных угодий. За годы нынешних реформ вынос питательных веществ из почвы в три раза превысил их возраст. Дозы минеральных удобрений в расчете на 1 га посевов сократились в 2,2 раза, органических – в 3,2 раза. На 75% посевной площади нарушены севообороты. В результате объем сельскохозяйственного производства в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий (снизившийся за эти годы на 17%, в том числе в животноводстве на 1/3) поддерживается за счет истощения почвенного плодородия.

В связи с очевидными серьезными изъянами, неоправданными социально-экономическими издержками проводимой аграрной политики, в результате которой сельское хозяйство продолжает оставаться в состоянии глубокого системного кризиса и неспособно обеспечить страну необходимыми объемами собственного продовольствия нельзя довольствоваться робкими голосами о «совершенствовании» проводимого курса этой политики,

устранении «узких мест» и т.д. Необходимо радикальное *обновление* этого курса путем перевода аграрной и всей экономической политики на проверенные прогрессивным мировом опытом научные основы, прежде всего придание этой политики активной протекционистской направленности, рационализации аграрной структуры.

О структурной сбалансированности аграрного производства и тем самым об устойчивом развитии сельского хозяйства, о статусе России как мировой продовольственной державы можно будет говорить лишь при условии экспорта продукции животноводства и полного удовлетворения внутренних потребностей в картофеле, овощах, традиционной продукции садоводства. Сложившаяся ситуация, когда даже морковь, другую продукцию, выращенную на каменистых полупустынных землях Израиля, страна импортирует, свидетельствует об отсутствии в проводимой аграрной политике необходимых признаков научной обоснованности и рациональности практических мер по ее осуществлению.

Надо, конечно, признать, что прежний режим разорительной для села политики перекачки, безусловно, ослаблен, но сельское хозяйство продолжает оставаться в жестких тисках его монопольного окружения. Власти оперируют цифрами годовой господдержки села в сумме около 5 млрд долл. (хотя правилами ВТО бюджетное финансирование «разрешено» довести до 9 млрд долл.). Но при этом умалчивают, сколько через диспаритет цен и весь механизм перекачки изымается из результатов крестьянского труда. По расчетам на товарную продукцию, реализованную в розничной торговой сети на сумму свыше 5 трлн руб., в пользу субъектов монопольного окружения, включая само государство из этих результатов в последний период ежегодно «перекачивалось» более 40 млрд долл. (около 1,3 трлн руб.). Причем из указанной суммы господдержки через экономически необоснованное налогообложение значительную часть государство забирает назад. Все это как две капли воды напоминают взаимоотношения двух генералов и накормившего их «тунеядца» мужика на известном необитаемом острове, получившего за свой труд «рюмку водки да пятак серебра».

Правда, село не единственный пасынок у нынешней власти. Обделенными остаются и некоторые другие важные отрасли и сферы жизни общества, в том числе наука. Но по ущемлению насущных нужд и интересов селу принадлежит пальма первенства, создающая серьезную преграду в направлении движения по главному пути эффективного и устойчивого развития сельского хозяйства – его последовательной интенсификации.

Правда, Президент РФ В.В.Путин в своей статье об экономических задачах развития страны (Ведомости, 30.01.2012 г.) заявил, что направить сельское хозяйство на этот путь можно, если следовать опыту «всех развитых стран». Но заявления у политиков, как тонко заметил В.Даль, это часто «уклончивые» намерения и обещания. Ими поля не удобрить, скот не накормить, дороги и нормальное жилье на селе не построить и т.д. Развитые страны потому и стали развитыми, что там власти в своей экономической политике заявления подкрепляют действенными мерами государства по социальному обустройству и высокоинтенсивному развитию сельского хозяйства.

Вместо активных действий по обеспечению приоритета сельского развития представителями властей приводятся «оправдательные» ссылки на ограниченность ресурсов, на «утвержденные» параметры государственного бюджета, в том числе его агарного сегмента. Но ограниченность ресурсов, в т.ч. финансовых возможностей государства характерна для любой страны и как раз те из них, которые достигали огромного прогресса в сельском развитии и в периоды кризиса, стагнации, и в годы подъема экономики неизменно формировали и формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общего сбалансированного социально-экономического развития, на деле создающего возможность системной модернизации сельского и всего народного хозяйства. Так, в «союзной» с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета превышает 10%, а в странах ЕС около 40%, против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР даже в условиях масштабных затрат на вооружение, «братскую» помощь, космос и т.д. эта доля достигала 15%, в годы НЭПа – 7,5%).

Призывать к опыту развитых стран, но ничего всерьез для этого не менять, оставляя сельское хозяйство в состоянии глубокого системного кризиса или ограничиваться полумерами, общими призывами и декларациями типа Доктрины продовольственной безопасности – значит, не задумываясь о последствиях, продолжать идти по зигзагам указанного, толком никем не объясненного «особого российского» пути, с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом и волевыми, опрометчивыми решения-

ми, которые, как видно, с особым «размахом» реализуются в проведении аграрной политики.

В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины затянувшегося глубокого системного кризиса и снизить реальную угрозу продовольственной безопасности – значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис возможно, судя по опыту этих стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом последовательно протекционистской модели аграрной политики, успешно применяемой и в других странах, в частности, в Китае. Прогресс в сельском развитии за последний период здесь достигнут благодаря массированной (в десятки раз превышающей российские показатели в расчете на гектар пашни) государственной поддержки отрасли Формально это не укладывается в правила ВТО, «искажает» рынок и т.д., но власти страны исходят из приоритета национальных интересов, объективной обусловленности принципа аграрного протекционизма, связанного с особым характером ведения сельского хозяйства. На этой основе обеспечивается устойчивость его развития и укрепление продовольственной безопасности страны.

Источники

1. *Буздалов И.Н.* Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. М.: Academia, 2005.
2. *Буздалов И.Н.* Господдержка сельского хозяйства и перекачка: запредельный дисбаланс и его последствия. Экономическая наука современной России. 2013, № 4, с. 96.
3. *Буздалов И.Н.* Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.: Изд-во Агрорус. 2013.
4. *Жученко А.А.* Вызовы XXI столетия мировой и отечественной продовольственной безопасности. Агропродовольственная политика России. 2012, № 1.
5. Аграрный протекционизм: научные основы и механизмы осуществления в условиях рыночных отношениях. М.: ЭРД, ВИАПИ им. А.А.Никонова, 2007.
6. Аграрная политика России – современные тенденции. М.: ИМЕПИ, 1999, с. 11.
7. *Милосердов В.В., Милосердов К.В.* Аграрная политика России – XX век. М.: ВО Минсельхоз России, 2002.
8. *Пошкус Б.И.* Факторы укрепления сельского хозяйства: надежды и действительность. Екатеринбург, 2011.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА УЧЕНЫХ И ОЦЕНКА ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Меденников В.И., д.т.н., зав. отд. Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова

Опыт развития научно-технического прогресса в развитых странах позволил сформулировать следующий принцип роста производительности труда: для эффективного развития материального производства темпы развития информационной техники и технологий должны превосходить темпы роста производства, а научные разработки должны в своем развитии опережать темпы развития техники и технологий. В связи со сказанным проблема интенсификации науки, повышения ее эффективности является очень актуальной проблемой обеспечения продовольственной безопасности страны. В современных условиях решение этой проблемы немыслимо без информатизации как научной деятельности, так и производства, что должно привести к улучшению управления, эффективности и надежности продовольственных систем.

В методике оценки результативности деятельности научных организаций на основе индекса цитирования, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения дается ссылка на две базы данных, позволяющих оценивать индекс цитирования: РИНЦ (сайт www.elibrary.ru) и аналогичная международная база Web of Scienc. Кроме этих баз существуют еще, например, Scopus, Agris.

Индекс цитирования – принятая в научном мире мера значимости научной работы какого-либо ученого или научного коллектива. Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию или фамилию автора в различных изданиях. Ниже приведена формализация расчёта индекса цитирования.

j, r – номера статей, $j, r \in J$, i – номер автора, $i \in I$, N_{1i} - индекс цитирования i-го автора с возможностью самоцитирования, N_{2i} - индекс цитирования i-го автора без возможности самоцитирования,